

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Два государственных типа: народно-монархический и аристократическо- монархический

«По-видимому, газета „Весть“ хлопочет больше всего о том, как бы покрепче сплотить Российское государство, и выдвигает вперед дворянство только как снаряд наиболее пригодный для этой работы; но в сущности забота у нее другая – это известно всякому, кто хоть изредка заглядывал в эту газету, – это высказывается даже в той самой передовой статье, в которой изложена ее теория объединения...»

Иван Сергеевич Аксаков
Два государственных типа:
народно-монархический и
аристократическо-
монархический

По-видимому, газета «Весть» хлопочет больше всего о том, как бы покрепче сплотить Российское государство, и выдвигает вперед дворянство только как снаряд наиболее пригодный для этой работы; но в сущности забота у нее другая – это известно всякому, кто хоть изредка заглядывал в эту газету, – это высказывается даже в той самой передовой статье, в которой изложена ее теория объединения.

На общественное образование в Остзейском крае отпускается сравнительно большая сумма, чем на тот же предмет в русских губерниях, что, конечно, не совсем сообразно с интересами народности, которой по праву принадлежит господство. «Весть» в этом сознается, но тут же очень скоро и утешается: «дело не в том, что тратится больше, а в том, чтоб эти расходы способствовали развитию сочувствия к России чрез объединение руководителей иноплеменного меньшинства с руководителями русского большинства; дело в том, наконец, чтобы это руководство не ускользнуло из рук русских дворян Остзейского края[1] и не попало в руки беспокойной ча-

сти класса литератов (Literaten)»[2].

Иными словами: пускай, при распределении пособий, окраина наделяется щедрее средоточия, лишь бы только отпускаемые суммы служили дворянству и поступали в его руки.

Итак, на первом плане вот что: из нашего служилого сословия, из Польской шляхты, из остзейского рыцарства, создать политическое сословие – *аристократию*, а там: перетянет ли центростремительная или центробежная сила, сплотится ли или, наоборот, расшатается государственный организм – это забота второстепенная.

На старых картах Московия изображалась как *tabula rasa*, перерезанная тремя реками, и кажется, что в том же виде, то есть как дикое поле, представляется она и теперь некоторым из ее руководителей; в ней можно кроить из цельного и разводить в ней что угодно, не церемонясь с ее историческими инстинктами. Иначе как бы кажется не догадаться, что наше служилое сословие, переименованное в дворянство, но сохранившее характер и свойства служилого, не имеет с родовой, политической аристократией ни одной общей чер-

ты; как бы не заметить, что тип большого русского барина несколько не походит на французского grand seigneur, а русский англоман – самая резкая противоположность английскому лорду? Но, повторяем, в известных кругах такого рода соображения не имеют хода и на них уж давно припасен ответ: вы отняли у нас крепостное право, так вознаградите нас чем-нибудь; положим, аристократии у нас не было и нет, но почему бы не попробовать завести ее?

Пускай же Россия остается в стороне – обратимся к Европе. Ее свидетельства не уважить нельзя. Посмотрим, что там растет и крепнет, что убывает и хилеет и в какую сторону сила исторического развития влечет цивилизованный мир?

Во всей Европе, когда-то, стояли во главе обществ аристократии настоящие, самородные, живые продукты истории, а не законодательных прихотей. Что случилось с ними теперь? Во Франции и в Италии аристократия вымерла почти бесследно; в Австрии она разбилась на отдельные группы, по народностям, и исчезает в народностях; в Пруссии она

с каждым днем теряет свое значение и кинет в желчном сознании устарелости своих притязаний; ее некогда спокойная гордость перераживается в обидчивую спесь – вернейший признак упадка.

В Англии, этой классической стране аристократизма, аристократия отступает, конечно, с достоинством, но все-таки отступает, перед стройным напором другой, ей уже неподвластной силы. Инициатива ускользнула из ее рук; она уже не ведет событий, а подчиняется им и покупает право на существование периодически повторяющимися уступками. Чтоб отсрочить свое неминуемое крушение, она, в критические минуты, предупреждает грозящие ей удары и сама налагает на себя руки, *pour sauver les apparences*. Такого рода услугу оказал ей Роберт Пиль в реформе экономической, и мы узнаем на днях, удастся ли графу Дерби сослужить ей такую же службу в реформе парламентской. Несомненно, что в этих мастерских маневрах ее высокий такт выказывается не менее осязательно, чем в прежних ее завоеваниях; но, как бы то ни было, предсказание 22-хлетнего Вильяма Питта

сбывается. В 1787 году, на вечере в Версале, кто-то из чинов французского двора спросил у него: «Которая из составных частей английской конституции прежде всех обветшает и пошатнется?» – «Камера лордов», – ответил не задумываясь будущий первый министр, тот самый, которому суждено было поднять английскую аристократию на степень беспримерного могущества.

Везде одно явление: старые аристократии вымерли или вымирают, а новых не зарождается. И это вовсе не значит, чтоб историческая производительность Западной Европы иссякла; ибо возникают же партии, секты, школы и ассоциации всякого рода. Это значит только, что творческая сила истории, также как и творчество физической природы, имеет свои периоды. Есть целые порядки органических формаций, так сказать отслуживших миру, которых природа уже не повторяет и о которых мы знаем только по их уцелевшим составам. К разряду таких же брошенных историею организмов принадлежит и аристократия. Форма, в которую она когда-то отливалась, разбита навеки, и ее нет нигде,

нет даже в редакции «Вести».

В обществах образуются новые группы, на основании тождества экономических интересов, а в области государственной Европа постепенно перестраивается на основании племенного начала. Народность – вот та новая, с одной стороны, разлагающая, с другой, объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежние формации, созданные завоеваниями, династическими союзами, теорией европейского равновесия и другими более или менее искусственными комбинациями. Эта сила растет повсеместно и ей очевидно принадлежит будущее.

Первым торжеством народного начала было освобождение греков, давно начатое и доныне недовершенное; потом, на наших глазах, собрались итальянцы; в настоящую минуту, заканчивается объединение немцев и уже начинают скликаться на Балканском полуострове славянские племена.

Понятно, что пробуждение народностей, как и всякое мировое движение, рядом с явлениями исторически законными и плодотворными для развития человечества, может вы-

зывать и неосуществимые притязания, основанные на одних воспоминаниях, но не находящие себе оправдания в действительности; понятно также, что это движение, именно потому, что кроме одной газеты «Весть» мнение всей Европы признало в нем современную силу, обращается иногда в орудие политических интриг и из-под ловких, но не совсем разборчивых на средства рук, выходит в карикатурной форме поголовной подачи голосов (suffrage universel). Смущаться этим нечего; все это не более как волдыри или нечистая пена на поверхности неударжимого потока.

Понятно и то, что не все современные политики относятся одинаково к началу народности. «Это первая сила нашего времени, – говорит Наполеон III, – и потому Франция должна захватить ее в орудие своей политики». – «Это сила, – возражает ему Тьер, – но не надобно вызывать ее, ибо как орудие, она сильнее в руках России, чем Франции». Последнего заключения мы не имеем причины оспаривать; впрочем, кто в этом случае прав и кто не прав, этого вопроса мы не касаемся и хотим только заявить, что при всей противополо-

ложности их воззрений и Тьер и Наполеон согласны в признании факта. Мы могли бы причислить к ним и графа Бисмарка.

Но нигде так наглядно и разительно не обнаружилась непобедимая сила народного начала, как именно в той державе, которая, по роковой необходимости, должна была бороться с ним на жизнь и смерть, вела эту борьбу последовательнее и толковее, чем кто-либо, и потратила на нее разнообразнейшие средства, какими только могла ей подслужиться ее неистощимая, политическая находчивость.

Нужно ли называть Австрию? Сложившись из множества осколков не только разнохарактерных, но враждебных между собою племен, она не то что не захотела, а не могла ни построиться в федеративное государство, ни дать решительного преобладания какой-либо одной народности над другими. Говоря языком «Вести», у нее не было ядра довольно плотного и крупного. Не свободный выбор, а неволя заставляли ее, для поддержания искусственного единства, изобретать и создавать искусственные, безнародные силы: имперскую армию, имперскую бюрократию

и, наконец, расширенный государственный совет (verstärkter Reichsrath). Это была ее последняя серьезная попытка.

Предполагалось, что если отвлечь от каждого из племен, населяющих Австрию, небольшую группу людей действительно передовых (не только по знатности рода, но также по богатству и по личным дарованиям) и если из всех таким образом завербованных единиц составить одно сословие, или один собор, то заманчивость коллективного первенства и общность сословных интересов объединит их; что, по крайней мере, в этой отборной дружине местные традиции позабудутся, резкие народные типы сгладятся и, со временем, разноплеменный и пестрый собор сольется в безнародную аристократию. Словом – говоря языком «Вести» – предполагалось, что звание австрийского аристократа послужит нравственною связью между разноплеменными и разноверными подданными государства. Само собою разумеется, что, задумав обессилить центробежные стремления племен, населяющих империю, нейтрализациею их руководителей, государственные лю-

ди Австрии не только понимали необходимость, но и не скрывали своей готовности поделиться с этими вожаками правительственной властью и даровать им права политические. Не знаем, как об этом думают в тех сферах, откуда «Весть» получает свои вдохновения, но, по нашим понятиям, одно без другого немислимо, и если уж подкупать на отречение от национальных стремлений, то сккупиться нечего. И все-таки эта хитро задуманная попытка не спасла единства. Не было, конечно, недостатка ни в ловкости со стороны австрийских министров, ни даже – что гораздо важнее в старых аристократических традициях, с которыми новое учреждение, по-видимому, могло бы связаться, и однако, даже при этих далеко не везде встречающихся условиях, искусно сплетенная сеть порвалась и вырвавшиеся из-под нее центробежные силы потрясли все основы здания.

Разноплеменное государство, стянутое и свинченное безнародною аристократиею, не удалось даже там, где роковая необходимость его оправдывала, а возможность поддерживать внутреннее равновесие коалициями сла-

бейших племен против сильнейших, по-видимому, подавала надежду на поддержание этой политической формы: значит, она осуждена окончательно.

К содействию какой же силы обратимся мы, для завершения государственного объединения России? Обратимся ли мы к той, которая на наших глазах растет и крепнет, или к той, которая повсеместно хилеет и вымирает?.. Перед нами два государственных типа: *народно-монархический* и *аристократическо-монархический*.

На первый указывают нам наша история, весь политический склад России, все современное движение Европы.

Второй рекомендует нам газета «Весть». Это ее идеал. Может быть, он и хорош сам по себе и без отношения к нам, только – это не *завтрашняя* Россия, а *вчерашняя* Австрия.

Примечания

Предупреждаем читателей, что *русские дворяне Остзейского края* или, еще лучше «*русские дворяне немецкого происхождения*» открыты «Вестью». Сами себя они называют остзейскими дворянами, или рыцарями, подданными российского императора. Может быть, «Весть», присмотревшись поближе, откроет там же и *православных лютеранского вероисповедания*. Это бы значительно облегчило объединение.

[^^^]

2

Профессора, медики, адвокаты, чиновники и вообще интеллигенция, не принадлежащая к рыцарству.

[^^^]